

ТЕЛЕСНОСТЬ В ДИХОТОМИИ ПРИЛИЧНОГО / НЕПРИЛИЧНОГО И ПРИСТОЙНОГО / НЕПРИСТОЙНОГО

У статті розглянуто модифікацію тілесності у світлі вимог до манер поведінки людини, що склалися в історії культури, з'ясовано ступінь присутності морального й естетичного в трансляції природного ества в знаково-символічній континуум.

Ключові слова: тілесність, пристойність, вдача, смак, манери, низьке, непристойне.

In the article the corporality modification from the formed in culture history standpoints of demands to way of human behaving is considered, measures of moral and ethic presence in translation of natural essence into sign-symbolic continuum is discovered.

Key words: corporality, decency, propriety, customs, taste, manners, low, vulgar.

Телесность человека – очевидна. Именно она характеризует его со стороны формы и восприятия другими. Через телесность визуализируется, становится явным то, что продуцируется умом, сердцем и характером. Телесная форма человека связана с онтологическим поворотом, который актуализирован XX веком в философии. В XXI веке проблема телесности привлекает к себе внимание в том же русле – как носитель духовных феноменов и социальных процедур. Телесность человека ассоциируется с его естеством, природой, бесспорным присутствием, что в истории философской рефлексии включалось в трансляцию основных принципов гедонизма, эпикуреизма, аскетизма (кинизма как его крайней формы), существующих и поныне в различных «нео». Новый век продолжает традиции в осмыслении телесной формы людей.

Развитие культурных и цивилизованных форм жизни человека и общества основывается, с одной стороны, на купировании органики, переносе естества в сферу приватного, тайного, сокрытого от восприятия кого-либо, а с другой – телесная форма теряет целостность, фрагментируется и каждый фрагмент в социокультурной сфере общества наделяется смыслом.

Проблема телесности в настоящее время входит в предметное поле наук, изучающих человека, как-то педагогика, философия, социология, антропология, культурология, где, безусловно, господствуют философия и авторы, посвятившие свои исследования проблеме телесности: В. А. Косак, В. М. Розин, Л. Г. Ионин, Л. Газнюк, Н. Хамитов и др.

В данной статье будет предпринята попытка высветить уже, к сожалению, не новый, но вместе с тем еще не до конца изученный и постоянно обновляющийся динамичным социумом вопрос о присутствии в телесной импровизации приличного и пристойного и того, что этому противостоит, – неприличного и непристойного.

Наиболее обсуждаемые сегодня в философии темы, связанные с телесностью, –

это гендерная политика, природа сексуальности, эротическая устремленность человека и т. д.

Обращаясь к проблеме телесности, следует иметь в виду, что само это понятие сравнительно недавно обозначилось в гуманитарном знании. Телесность, в отличие от тела, означает отношение сознания к телу, его строению, органам, функциям и их культурно-семантическим смыслам. Телесность, таким образом, можно обозначить как модификацию тела в знаково-символическом пространстве социума, связанную с системой требований к его организации и упорядоченности, происходящих в нем процессов. Согласно В. М. Розину, «телесность – новообразование, конституированное поведение, то, без чего это поведение не могло бы состояться, это реализация определенной культурной и семиотической схемы (концепта), наконец, это именно телесность, т. е. модус тела» [1, с. 40].

Если само понятие «телесность» новообразованное, то требования к бытию тела в культуре поведения, общения и отношений обозначались уже в глубокой древности. Именно архаика дает основания для модификации тела, вводя регуляцию сексуальных отношений, элементарные санитарно-гигиенические правила, ориентиры на различия своих и чужих, младших и старших, верховных и рядовых. Индивиды, чье поведение выходило за границы допущений, жестоко наказывались сообществом. Долженствование предопределило деление отношений на публичные, формальные, явные и интимные, неформальные, скрытые.

Страх перед наказанием и стыд быть уличенным в недозволенном стали первопричиной телесной модификации (оформление тела, его динамика, расположение его в пространстве и прочее, контакт с телами других и т. д.).

Развертывание телесности происходит за счет манер поведения, которые постоянно сопровождают тело индивида, придают ему семиотическую динамику и представляют собой систему обозначений, которая приобретает статус кода или языка. Манеры поведения – это средства выразительности, создаваемые благодаря манипулированию телесным (руками, ногами, поворотом головы). Манеры поведения, связанные с существованием физического тела, способствуют появлению тела феноменального.

Манеры в переводе с французского (*manière*) – способ держать себя, внешние формы поведения. Приличие и пристойность – это понятия, характеризующие манеры с позиции их отношения к устоявшимся ценностям (добро, красота, польза). Это в то же время устойчивые представления о том, кому, при каких обстоятельствах и как следует себя вести. Наряду с ними культурное и цивилизованное поведение характеризуется как подобающее, то есть такое, которое соответствует лицам, обстоятельствам и времени.

В реальной действительности неприличному и непристойному соответствует все, что подпадает под обозначение пошлого, низкого, низменного. Неприличное, как и непристойное, характеризуют недопустимые с точки зрения устоявшихся общественных позитивных нравов формы поведения, связанные как правила, с откровенной демонстрацией всего физиологического, естественного. Пристойность и приличие не исключают естества. Однако они в своих взысканиях направлены на то,

чтобы придать естеству то выражение, которое соответствует требованиям культурности и цивилизованности. Приличие и пристойность касаются не самого естества, а способов их выражения и обнаружения. Ярким тому примером является феномен наготы с сопутствующими процессами облачения и обнажения. В западной этико-эстетической традиции нагота имеет целый ряд значений. Это нагота естественная (с лат. *nuditas naturalis*) – как плоть исходная, изначально данная человеку; нагота временная (с лат. *nuditas temporalis*) – как метафорическое выражение обнищания, утраты жизненных благ или отказ от них; нагота добродетельная с лат. *nuditas virtutis*) – ассоциирующаяся с обнаружением сущности, приобщением к Истине, предельной откровенности; и, наконец, нагота преступная (с лат. *nuditas criminalis*) – однозначно вызывающая осуждение и отторжение. В культуре она предстает как порок, грех, срам.

Пристойность как предписание к культуре поведения охраняет нравы от «наготы преступной», которая ассоциируется с сексуальной агрессией, распущенностью, бесстыдством. Пристойность не приемлет не саму наготу как объективную данность, а манипулирование ею далеко не с благими намерениями: спровоцировать порочные действия, пробудить неуправляемые рассудком влечения, эпатировать публику.

В современном обществе нагота (пляжная, сценическая и прочая) также включается в процесс знаковых обозначений, выполняет сигнификативную функцию в культуре. Особую актуальность приобретает «вторичная нагота» или нагота обозначаемая. Часть тела, область тела или его фрагменты проступают, удваиваются благодаря вспомогательным средствам (краскам, рисункам), привнесению инородного. Последние становятся метками, перверсирующими тот или иной участок тела в эротическую зону, зону, которая взывает к сексуальному влечению. Одежда, ювелирные изделия, косметика, прическа способны не только скрывать, но и раскрывать «тайны» тела. Особый эффект приобретает нагота не как таковая, не как наличность, представляющая тело в его естестве и полноте, а проступающая символическая нагота, со смыслом, значением (декольте, мини-юбка, прозрачные ткани, ткани облегающие). Актуализации и эстетизации может быть подвергнута любая часть тела, даже гениталии, и именно таким образом осуществляется «процесс эротической сигнификации» (Ж. Бодрийяр).

Сегодня тело в большей степени, чем когда-либо, подчинено раскрепощению. Оно предстает как чистая форма со всевозможными модуляциями, абсолютно освобожденная от моральной императивности. Если в архаическом обществе субъект маркировал свое тело (раскраской или ношением маски), «уничтожая свою идентичность», то в современном обществе «субъект не упраздняет себя в акте обмена – он спекулирует», – утверждает Ж. Бодрийяр [2, с. 202–203]. Такой спекуляцией попирается не только приличное, пристойное, но и моральное. Чувство стыда, а вместе с ним и скромность, вежливость девальвируются объективизацией природного естества в рекламе, моде, визуальных рядах художественного творчества и отдельных видах развлечений, таких как стриптиз. Происходит примирение «натуралистического идеала и непосредственное переживание собственного тела с коммерческим императивом прибавочной стоимости» [2, с. 199].

Телесность в ее сексуальном призыве через определенную маркировку находится под запретом в системе институциональных отношений. В силу того что «вторичная нагота» привлекает к себе внимание, пробуждает интерес, вызывает влечение, она выносится за пределы приличествующего, пристойного поведения как такового, так как противоречит всему официальному, упорядоченному, сопровождающему дело, работу, практическую занятость. Современное общество допускает непристойное, не вводя его в статус девиантного лишь в отдельных сферах: художественно-эстетической деятельности и развлекательных программах.

Современный музыкальный неоавангард в погоне за массовым почитателем строит свои программы на таких средствах художественной выразительности, которые придают им не просто развлекательный, но и грубо гедонистический характер. Нарочитая концентрация внимания на чувственном наслаждении достигается за счет прямого акцента на специально оголенные части тела, развязные жесты, позы. Сопровождаемые ритмом, пульсирующим светом, декорированные дымовой завесой, они приобретают эротическую направленность, свободную от этической предупредительности. Предрасположенность к чувственным наслаждениям лежит в основе любых утех, ориентированных на массовость, толпу. Карнавал, гулянье, празднество со временем утрачивают свою популярность как способ снятия этикетной усталости. На смену им приходят другие развлечения, теряющие свою определенность в разряде произведений искусства, художественного творчества или разновидности эстетической деятельности. Отличительной их особенностью становится эксплуатация таких средств воздействия, с помощью которых создается обескураживающий эффект заразительности. Нарочито предавая публичности недозволенное, образцы подобной художественной практики «приглашают» выпустить на волю «демонов» подсознания. Выкрикивание, гвалт, топот – такая демонстрация соучастия, происходящая на сцене, площади или стадионе уже не есть санкционированное общественным мнением этикетная свобода, а этикетный индеферентизм. Внеэтикетная (а порой и антиэтикетная) направленность некоторых продуктов масс-поп-авангард-культуры вызывает опасение не только тем, что они огрубляют нравы, – они способны портить духовное здоровье почитателям или наблюдателям, потворствуя пороку. «Нет врага хуже, чем топа, в которой ты трешься, – считал Сенека. – Каждый непременно либо прельстит тебя своим пороком, либо заразит, либо незаметно запачкает. Чем сборище многолюднее, тем больше опасности. И нет ничего губительнее для добрых нравов, чем зрелища: ведь через наслаждение еще легче подкрадываются к нам пороки» [4, с. 12].

Вместе с тем, среди всего многообразия художественной практики, ориентированной на массового зрителя и строящей свои творения на отказе от официально приличествующего в культуре, имеют место такие образцы, которые отличает высокий эстетический вкус и социальная заданность. В комедиях Аристофана эротические влечения, в частности половой акт, претставал как универсальный символ, обозначающий плодородие, рождение нового, осуществление жизненных сил. У Ф. Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэль» материально-телесный низ во всех неожиданных подробностях олицетворяет карнавальную свободу, дарящую

веселье и раскованность, снимающую напряжение, обусловленную социальной зависимостью людей друг от друга, В картинах П. Брейгеля-старшего, О. Фрагонара или Ф. Буше некоторые интимные подробности естества предстают как необходимые и неизбежные фрагменты повседневности. В подобных художественных произведениях непристойности, вплетенные в смысловую канву и эстетический концепт, утрачивают свой натуралистический характер, препятствуют возникновению его, не оскорбляя вкус и не попирая нравы.

Художественная культура не может гарантировать культурного поведения, строгого соблюдения правил хорошего тона, но в своей совершенной форме может способствовать его лояльности. Эстетический вкус, отличающий произведения искусства, активизирует волю, которая, торжествуя над аффектам, освобождая от ига инстинктов, направляет поведение в заданные обществом параметры приличного и пристойного. Исследуя моральную природу эстетического, И. Шиллер заключает, что «все материальные склонности и грубые срасти столь упорно, бурно и часто противодействуют добру, изгоняются вкусом из души, и на месте их здесь расцветают благородные и нежные склонности, которые связаны с порядком, гармонией и совершенством и которые, не будучи, правда, добродетелью, разделяют с добродетелью ее предмет» [5, с. 50].

С предложенной И. Шиллером расстановкой позиции воли, вкуса, склонности к порядку трудно не согласиться, когда речь идет о «готовом», сформировавшемся вкусе. Однако он не гарантирован и как нечто наличное и постоянно присутствующее встречается не часто. Кроме того, непостоянство и неоднозначность в «работе» вкуса отражено в расхожих суждениях как-то: «Ему изменил вкус» или «Он изменил своему вкусу». Трудно обойти вниманием и тот факт, что эстетический вкус, в основе которого заложена способность, исходя из чувственного переживания, оценивать происходящее с точки зрения причастности его к прекрасному или безобразному, бывает неразвитым, плохим и даже извращенным.

Соблюдение пристойностей не требует высоко развитого эстетического вкуса. Достаточно того, чтобы с его помощью совершалось отторжение всего уродливого, пошлого и низкого, чтобы он запрашивал потребность воспринимать и творить соразмерность, упорядоченность, гармонию не только в художественной практике организации предметно-вещной среды, но и коммуникативной среды, связанной с общением и обхождением. «Вкус, – пишет Х.-Г. Гадамер, – никоим образом не ограничивается прекрасным в природе и искусстве, определяя его декоративные качества, но охватывает всю область нравов и приличий» [3, с. 81].

Исследуя феномен вкуса, Х.-Г. Гадамер приводит мысль о том, что в основе эстетической способности суждения заключена ориентация на добро или зло, что «понятие вкуса первоначально было скорее моральным, нежели эстетическим, и, наоборот, все нравственные решения требуют вкуса» [3, с. 82–83].

В различении состояний вкуса – развитый, неразвитый, хороший, дурной, извращенный, изысканный – проблематично отыскать единый принцип, исходный критерий. Тем не менее, можно предположить, что извращенный вкус может проявлять себя через способность обращаться к непристойностям, извлекая из этого

грубое наслаждение, если не вождление. Непристойное в данном случае изымается из ценностных координат добра и зла, пользы или вреда, блага или отсутствия оно. В качестве аргумента в защиту присутствия непристойного в художественном творчестве выдвигается сентенция о том, что естественное, объективно наличествующее в природе человека не может подлежать какой-либо оценке, но может входить в искусство как предмет или средство выразительности.

Неприличное и непристойное в модификации этико-эстетических понятий выступают как низменное, конкретизируясь в пошлом и низком. Согласно И. Шиллеру, «пошлое – противоположно благородному, низкое – благородному и пристойному» [5, с. 225]. Низменное указывает на доминанту зла в конкретных социальных сферах, связанных с поступками и действиями человека. В обозначении и оценке низменного зло выражается в конкретных фактах вреда духовному и физическому здоровью человека, в отсутствии перспективы существования человечества как явления планетарного, разрушения социального порядка и согласованности в качестве принципов сохранения социума в его гуманистической направленности и прогрессивном движении. На уровне феноменов низменное оборачивается различного рода фактичностью, событийностью, связанной с извращением естества, попранием достоинства, глумлением над простотой и непорочностью, надругательством, растрепанием и разложением. Сфера низменного – это сфера несвободы человека над самим собой и происходящими вокруг событиями, крайняя степень не просто безобразного, но ужасающего. Негативное восприятие низменного и его отторжение связаны еще и с тем, что чаще всего конкретные его проявления и воплощения не связаны с жесткой необходимостью или безусловной полезностью. В этом смысле низменное включается в противоборство добра и зла как источника социально-нравственного и духовного совершенства человека и общества. В связи с этим актуально звучат поставленные перед философией М. Фуко задачи наставлять людей на «заботу о себе» и на «спасение себя».

Таким образом, приличие и пристойность характеризуют поведение людей в зависимости от исторически сложившихся требований к культуре их действий и поступков, заключенных в модусы тела. Приличие конкретизирует организацию естества в зависимости от лица, субъекта действий, пристойность – в зависимости от события, ситуации. Тандем приличного и пристойного способствуют обозначению поведения как подходящего, то есть поведения, совершающегося на людях в соответствии с их вкусами и настроениями.

Литература:

1. Розин В. М. Как можно помыслить тело человека или на пороге антропологической революции // *Философские науки*. – 2006. – № 5.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М., 2000.
3. Гадамер Г.-Х. Истина и метод: основы философской герменевтики. – М., 1988.
4. Сенека А. Л. Нравственные письма к Луцилию. – М., 1977.
5. Шиллер И. О нравственной пользе эстетических нравов // *Собрание сочинений*: В 8 т. – М.-Л., 1950. – Т. IV: Статьи по эстетике.